

СНИЖЕННАЯ ЛЕКСИКА КАК СПОСОБ ВОПЛОЩЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА АВТОРА И ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ГЕРОЯ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Л. С. Галустьян

Аннотация. В статье анализируется сниженная лексика как способ воплощения художественной картины мира автора и языковой картины мира героя в текстах современной литературы. Рассматривается употребление в текстах литературы XXI в. сниженных лексических единиц, в том числе относящихся к пласту обценной лексики, которые, с одной стороны, демонстрируют изменения, происходящие в национальном языке в целом и в литературном языке в частности, с другой — необходимы автору для воплощения своей индивидуальной (художественной) картины мира и создания языковой картины мира виртуальной языковой личности — персонажа произведения. Выделяются функции бранной лексики в современной литературе.

Ключевые слова: инвектива, аргот, сленг, сквернословие, бранная лексика, жаргонизация, экспрессивность

SWEAR WORDS AS A WAY OF EMBODYING THE AUTHOR'S PICTURE OF THE WORLD AND THE PROTAGONIST'S PICTURE OF THE WORLD IN CONTEMPORARY LITERARY TEXTS

L. S. Galustyan

Abstract. The article analyses swear words as a way of embodying the author's picture of the world and the protagonist's picture of the world in the texts of modern literature. The article deals with the use of pejorative lexical units in the 21st-century literature, including the units belonging to obscene vocabulary. On the one hand, pejorative lexical units show the changes taking place both in the national language in general and in literary language in particular. On the other hand, the authors of literary texts need such units to embody their individual (artistic) picture of the world and create the character's (i. e., the virtual language personality's) linguistic picture of the world. The article identifies the functions of swear words in modern literature.

Keywords: invective, argot, slang, profanity, swear words, jargonization, expressiveness

Введение

Одним из наиболее заметных процессов в современном русском языке является процесс изменения узуса в сторону разговорной речи и просторечия, что влияет и на норму литературного языка в целом, и на художественно-беллетристический текст. Носитель языка первых десятилетий XXI в. активно употребляет лексические единицы, относя-

щиеся к разговорно-просторечной, жаргонной, бранной и даже обценной лексике. Трансформация национального и литературного языка влияет и на язык литературы «серьезной», и на развлекательно-беллетристические произведения как в аспекте изменения собственно авторского текста, так и при создании речевой характеристики героя. В произведениях современной литературы меняются традиционные способы

воплощения художественной картины мира автора и языковой картины мира персонажа.

Цель работы — выделить закономерности употребления бранной лексики в текстах современной литературы, проанализировать стилистически маркированные единицы, относящиеся к сниженной лексике, и определить их функции.

Сниженная лексика изучается не только в рамках лингвистики, но и в таких смежных областях, как культурология, психолингвистика, социолингвистика и др. Особенно актуальным в конце XX и XXI вв. стало изучение сниженной лексики, в том числе в художественном тексте. В произведениях современных писателей мы можем проследить закономерности использования слов, которые относятся к тюремному жаргону. Поэтому мы можем также говорить о криминализации речи, когда сниженные языковые единицы используются героями и становятся нейтральными.

Основная часть

Именно слова, относящиеся к снижению пласту лексики, обладают особой эмоциональностью и образностью. В художественном тексте эмоционально-оценочная лексика ярко характеризует личность героя и раскрывает художественную картину мира автора. Как утверждает Н. А. Лукьянова, «экспрессивность является свойством той или иной лексической единицы, которое связано с представлением субъективных аспектов восприятия человеком действительности (явления окружающего мира, предметы и их признаки, характеристика тех или иных лиц, непосредственно эмоциональное отношение к чему-либо или кому-либо, оценки предмета речи, переживания и чувства говорящих)» (Лукьянова 2015, 183). При употреблении сниженных языковых единиц наиболее значимы следующие функции:

- выражение экспрессии;
- характеристика языковой картины мира героя;
- средство оскорбления другого персонажа;

- синкретичные примеры, в которых совмещены несколько функций.

Ш. Балли считал, что экспрессивность — это «эмоциональное восприятие действительности и стремление передать его реципиенту», подчеркивая важность и необходимость использования экспрессивных средств языка для передачи одного и того же эмоционального содержания (Балли 1961, 113). «Экспрессивная функция языковых единиц, как считает Лукьянова Н. А., заключается в их обусловленности выражать тот или иной спектр эмоций в речи, характеризовать или оценивать окружающие явления, показывать свое отношение к кому-либо, а самое главное — воздействовать на слушателя и побудить от него ответную реакцию» (Лукьянова 2015, 184). Рассмотрим это на конкретных примерах из текстов современной литературы.

— Ну, мож, и правильно, — успокоил Никита. — Я вот, помню, бил... Пряма зверел! — лицо его на миг ожесточилось. — А всё равно Кротом называли. И в школе, и в бурсе. Боялись до усачки, уважали, а за глаза дразнили... Вот эти два кренделя, ну, которые ушли. Прикинь, на меня работают, а между собой, точно тебе говорю, Кротом называют, суки (Елизаров 2020).

В словаре русского арго В. С. Елистратова представлена следующая дефиниция: Сука, -и, ж., сучара, -ы, м. и ж., сучок, -чка, м. Руг. с самым широким зн. Сука мокрохвостая — о проститутке. Употребляется как бранное, инвектива. Влияние уголовного «сука» — предатель, доносчик, агент милиции, начальник угрозыска, милиционер (то же — «сук»), вор, отошедший от уголовного мира (Елистратов 2000). Рассмотренная лексическая единица стала стилистически маркированной прежде всего по причине воздействия уголовного жаргона. В романе это существительное выступает в функции инвективы.

В конце 90-х гг. XX в. В. И. Жельвис дает инвективному речевому явлению определение «оскорбительное обращение», называя

его синонимом сквернословия. По мнению В. И. Жельвиса, в узком смысле слова «инвектива — это способ существования словесной агрессии, который воспринимается определенной социальной группой/подгруппой как табуированный (резкий)». Под инвективой понимается вербальное (словесное) нарушение этического табу, осуществленное неcodифицированными средствами. Инвектива относится к пласту обсценной, нецензурной, лексики. В своих исследованиях В. И. Жельвис пишет о том, что «в определенных ситуациях инвектива способна создать видимость активного поиска выхода из эмоционального напряжения. Более того, учитывая силу нарушаемого табу, можно даже считать, что это не поиск выхода, а непосредственно сам выход» (Жельвис 2001, 13). Именно эту функцию инвектива выполняет в романе Дмитрия Глуховского «Текст».

— Ты моя, и ты никуда от меня не денешься, поняла меня, сучка? Ни к кому не уйдешь! Я любого твоего следующего ебаря найду и в говне утоплю! Усвоила?! Никуда! Никогда!!! (Глуховский 2017)

Существительное «ебарь» употребляется героем, Петром Хазиным, в диалоге с его возлюбленной Ниной. Использование этого слова в представленном контексте свидетельствует о ярости героя и неумении сдерживать свои эмоции (выражение экспрессии). Кроме этого, Хазин очень грубо и непристойно выражается о другом человеке, неизвестном ему, более того, несуществующем. Но следует добавить, что в приведенном контексте герой показывает свои эмоции и чувства, которые он испытывает к Нине. Он не хочет ее потерять, поэтому так эмоционально ведет диалог с ней.

Слово «ебарь» используется в первую очередь с целью выражения экспрессии не столько по отношению к незнакомцу, сколько к своей возлюбленной, которую боится потерять. В приведенном контексте мы можем говорить о том, что бранное слово употребляется как выразитель косвенного негативного и пренебрежительного от-

ношения к адресату (в данном случае в роли адресата выступает Нина).

Не менее значим следующий пример, где герой с помощью использования в речи аналога нецензурного словосочетания выражает свою экспрессию, таким образом оценивает сложившуюся ситуацию.

Взял ухват, вытянул чугунок, принялся сливать картошку и ошпарил штаны, а через них и коленку. Заплясал, замахал руками.

— Твою ж мать! Вот непруха! (Алешковский 2015)

Обратим внимание в контексте на выражение «твою ж мать». В приведенном фрагменте используется один из следующих вариантов (вместо *ёб твою мать* — *ёж твою мать* и т. д.). Это выражение используется героем не в отношении кого-либо, а при характеристике возникшей ситуации (*вот непруха!*). Бранное выражение «твою ж мать», скорее, выполняет функцию самоуничижения, когда герой желает высказаться, избавиться от чего-либо. В словарях бранной лексики представлена следующая информация: Твою ж мать (жарг., бран.) — используется в оскорбительном значении как предлог для связи речи. Согласно классификации В. И. Жельвиса, выражение используется не в качестве оскорбления кого-либо, а выполняет функцию нарратива. Говорящий таким способом хочет привлечь к себе внимание, выделиться из общества.

Рассмотрим еще один показательный пример. Герой в порыве злости и ярости по отношению к другому персонажу выражает свои эмоции с помощью слов с отрицательной семантикой:

— Дрянь ты, Игорь, мразь, почему ты не хочешь сделать так, как мы с тобой с самого начала собирались, а?! Мурло ты ссыкливое, стукач, сдаешь меня этому фээсбэшнику-коросте, за что?! Передумай, согласись! Чего тебе стоит? Тебе этот лишний рубль что, а мне на него себя нужно из подполья выкупать!

— погоди. Постой.

— Ладно. Подумай. Подыши (Глуховский 2017).

В данном контексте персонажем используется экспрессивный вульгаризм «мурло» по отношению к коммуниканту. Мурло — 1. Разг.-сниж. Лицо человека (обычно некрасивое, толстое, широкое). 2. Разг.-сниж. Человек с некрасивым, обычно с толстым или с широким, лицом. 3. Употребляется как порицающее или бранное слово (Ефремова 2000). В этом слове присутствует суффикс субъективной оценки -л-, который выражает уменьшительность, уничижительность, презрение. Слово «мурло» является синонимом слов «рыло», «морда», «рожа» и других с ярко выраженной отрицательной оценочностью. Герой использует в сочетании с этим оценочным существительным прилагательное «ссыкливое» с отрицательным коннотативным компонентом. Это слово образовано от существительного «ссыкло», которое относится к арго и употребляется в значении «пугливый, трусливый». Таким образом, герой хочет унизить собеседника, оскорбить его. Помимо этого, слово «ссыкло» перешло в молодежный сленг и часто используется в речи молодежи.

Слово «дрянь» обладает исключительно отрицательной коннотацией и выражает отношение героя к другому персонажу, Игорю: 1. Разг. Негодные вещи; хлам. Мусор, отбросы. 2. Что-либо плохое, скверное, очень низкого качества. 3. Разг.-сниж. Скверный, дурной, ничтожный человек. 4. Употребляется как порицающее или бранное слово. 5. Предик. разг.-сниж. Оценочная характеристика кого-либо или чего-либо как скверного, дурного, ничтожного (Ефремова 2000).

Слово «мразь» также характеризует героя, к которому обращается персонаж. Мразь — 1. Разг.-сниж. Ничтожный, презренный человек. 2. Употребляется как порицающее или бранное слово (Ефремова 2000).

Однако следует подчеркнуть, что в этом контексте герой не столько хочет оскорбить другого, Игоря, сколько повлиять на него. Посредством использования номинаций с отрицательным аксиологическим модусом ему удается это сделать. В разговоре между при-

ятелями эта форма общения является вполне пристойной.

Зооморфизм с отрицательным семантическим компонентом, который особенно ярко выражается в переносном значении, часто употребляется в романе Д. Глуховского в крайне грубом отношении к кому-либо, тем самым характеризуя героев и их языковую картину мира.

— Вы мое дело закроете? — помолчав, буркнул Хазин.

— Прикроем, Петр. А если с твоим отцом все выйдет, как надо, тогда спишем в архив, да. Если он увидит себя в кино и решит, что это кино не для семейного просмотра, тогда — да. Тут все зависит от того, насколько у вас крепкая и дружная семья.

— Старый козлина. Мне будет морали читать, а сам с хохлушками с голой жопой в бассейне плавать (Глуховский 2017).

Этот пример наглядно демонстрирует взаимоотношения в семье героя. Слово «козлина» по отношению к человеку является ругательством. Особенно отрицательный коннотативный компонент выражается благодаря прилагательному «старый», которое явно употребляется героем намеренно, чтобы показать возраст персонажа, в отношении которого он так грубо выражается. Отметим, что в номинации-зооморфизме «козлина» присутствует сема «крайне глупый, недалекий человек». Обычно «козлом» в переносном значении называют «глупого, непонятливого, бестолкового человека» (Ефремова 2000).

Помимо этого, лексема «жопа» используется героем в качестве синонима слова «ягодицы», но в грубой форме. Слово является вульгаризмом и относится к арго. В речи Хазина это слово используется как вполне нейтральное, так как он привык к такой манере общения. Приведенный пример позволяет нам сделать вывод о низком социальном статусе героя. Мы можем также сказать о том, что профессиональная принадлежность Петра в большей степени повлияла на его речевое поведение, что весьма ярко отражается и в его языковой картине мира.

Рассмотрим еще один пример употребления этого зоонима в качестве оскорбления в современном художественном тексте.

— *Музей не прорабская контора, ты тут наживаешься на крови, да-да, на крови людей, когда-то защищавших наш город! Музей должен! Обязан! Собрать и сохранять остатки старины, а ты строишь дачи генералам в Подмосковье! Я выведу тебя на чистую воду, козел!* (Алешковский 2015)

Прежде всего приведенный фрагмент показателен использованием автором восклицательных предложений, демонстрирующих экспрессивность текста. В разговоре с другим персонажем он использует слово «козел». По данным лексикографических изданий, слово употребляется по отношению к человеку в качестве бранной единицы. Ср.: Козел (перен, бранн.) — непонятливый, подлый и неприятный человек (Ефремова 2000). Слово является бранным и используется как в речи, так и в тексте в отношении героя в уничижительном значении. Слово «козел» в качестве наименования (номинации) конкретной виртуальной языковой личности используется в магической функции (по Жельвису).

Следует отметить, что в художественном тексте нередко образ животного утрачивает свое символическое значение и используется в качестве средства выразительности речи. Говорящий таким способом хочет повлиять на слушающего. В слове-номинации «козел» преобладает сема «подлый, неприятный человек». Частотность употребления данного зоонима весьма высока. Отметим, что в слове «козел» и его дериватах можно выделить антропоморфные признаки в следующих категориях: умственные способности, поведение и образ человека, характер. Безусловно, также зооморфизм выступает в качестве средства понижения социального статуса адресата, что осуществляется с помощью метафорического переноса на адресата названия животного. Это слово выступает как средство оскорбления персонажа.

Герои часто используют обценную лексику не только с целью оскорбить кого-либо,

но и дать характеристику окружающей действительности, как видит ее персонаж, отразить эмоционально-оценочное отношение. Рассмотрим конкретный пример:

В новостях тоже был надрыв. У всех ведущих были очень озабоченные ебальники: мир разваливался на куски. Только Родина еще как-то стояла. Показывали чиновников, которые объясняли, как. Чиновники приправляли официоз феней, чтобы быть ближе к телезрителю. Потом дали нарезку обращения Президента — тот грозил клеветникам России. В короткой речи Илья узнал много слов, которые впервые на тюрьме услышал (Глуховский 2017).

В приведенном примере герой использует слово «ебальники» в значении «лица». Если слова-синонимы с отрицательной семантикой «морда», «рыло» и т. д. относятся к сниженной лексике, то слово «ебальники» принадлежит пласту обценной лексики. Так грубо герой отзывается в своей внутренней речи о ведущих новостей, показывает свое крайне презрительное отношение и недоверие к ним, что характеризует также языковую картину мира персонажа.

В текстах современной художественной литературы прослеживается тенденция употребления сниженных языковых единиц в противоположном смысле. Стилистически сниженная языковая единица недостаточно часто, но иногда выступает в качестве похвалы. И это мы можем увидеть в романе «Земля» М. Елизарова.

— *Прикинь, девка работала в загорском жилкомхозе у начальника управления, потом пресс-секретарем у главы администрации, — Никита обращался больше ко мне, потому что отец, видимо, уже это слышал. — По возрасту ссыкуха ж совсем, в дочке мне годится, но мозги шустрые — дай боже!..*

— *Да, весьма толковая девочка, — согласился отец. — И мышление такое нестандартное, острое и...*

— *Ну, а что ты хочешь, бать, — перебил его довольный похвалой Никита, — она в Москве этот, как его... не МГУ, а Мориса Тореза...* (Елизаров 2020)

Данный пример наглядно демонстрирует переосмысление вульгаризма и использование его в противоположном, положительном, значении. В приведенном контексте «девка» используется по отношению к лицу женского пола. Показательна для нашего исследования дефиниция словаря (Ср.: Девка (разг.-сниж.) — Уничиж., презр., разг.-сниж. Ребёнок или подросток женского пола; девочка (Ефремова 2000). Однако следует отметить, что в приведенном контексте слово употребляется в качестве похвалы. Этот факт подтверждают слова героя, который считает, что «мозги шустрые» у девочки и она «весьма толковая девочка»). В этом же контексте слово «ссыкуха» используется шутливо в значении «девочка» с целью подчеркнуть юность героини. Таким образом, мы сталкиваемся с нейтрализацией лексического значения слова, когда «девка» используется уже как просторечное.

Стилистически сниженные лексические единицы в текстах современной литературы, как демонстрируют многочисленные примеры, в большинстве случаев используются в качестве оскорбления персонажа или выражения экспрессии. Рассмотрим еще один фрагмент. В рассказе «Марфушина радость» мы сталкиваемся с диалогом между героями — инвалидом и дворником.

Вываливается из подъезда старик, за зад держась, следом парень выбегает, потом — инвалид на своих утюгах колбасится. А за ними — дворник Андреич с электрической дубиной. Прицелился, пустил молнию синюю инвалиду в огузье. Завизжал инвалид, заматерился: — Еб твою проруху-мать! Грозит ему дворник: — Сейчас красную пуцу! А потом тебя, охальник, в околоток! (Сорокин 2008)

Автор весьма ярко показывает нам образ героя. Об этом свидетельствует косвенная характеристика поведения героя, данная автором («инвалид на своих утюгах колбасится»). Слово «колбаситься» изначально было распространено среди заключенных и относилось к аргю. В сфере воровского жаргона слово обрело уничижительный смысловой

оттенок: колбаситься — возмущаться, изображая честного человека с целью отведения подозрения. Следует отметить, что языковая единица «колбаситься» используется в так называемом биржевом жаргоне, когда речь идет о цене и стоимости, в значении «испытывать сильные непредсказуемые колебания» (то же, что мотаться»). Постепенно оно перешло в молодежный сленг и стало употребляться в значении «танцевать, развлекаться». В толковом словаре Т. Ф. Ефремовой представлена следующая информация: колбаситься (несов., неперех., разг.-сниж.) — выставлять что-либо напоказ с целью возбудить к себе любопытство (Ефремова 2000). По данным словарей, можно сделать вывод о том, что слово расширило свою семантику и в большинстве случаев все-таки используется с уничижительным смыслом.

Обратим внимание на реплику инвалида, который использует обценную лексику. Выражение «Еб твою проруху-мать» употребляет герой с целью оскорбить собеседника, выразить свою ярость, гнев. Автор намеренно выставляет героя-инвалида грубым, раздраженным. Этот факт подтверждают оценочные глаголы «завизжал, заматерился», которые содержат в семантике усилительный негативный оттенок и в полной мере показывают эмоции героя. Во-первых, само словосочетание относится к обценной лексике. Во-вторых, слово «проруха» (в просторечии: поруха) относится к разговорно-сниженной лексике, о чем свидетельствует лексикографическая информация, представленная в словаре Т. Ф. Ефремовой: Проруха — ж. разг.-сниж. 1. Ошибка, оплошность, неудача. 2. Недостаток, порок. В диалог вступает дворник, который с яростью отвечает инвалиду, обращаясь к нему непристойно (называя его охальником): Охальник — м. 1. разг.-сниж. Тот, кто непристойно ведет себя; озорник, нахал. 2. Употребляется как порицающее или бранное слово (Ефремова 2000). Экспрессема «охальник» с отрицательным аксиологическим модусом используется в речи персонажа в качестве прямого оскорбления. Лексические единицы, которые

используются виртуальными языковыми личностями, относятся к сниженной лексике и характеризуют не только речевое поведение героев, но и их языковую картину мира.

Рассмотрим еще один показательный пример, в котором ярко демонстрируется совмещение нескольких функций, в том числе и выражения агрессии.

Друзья-сокурсники, которые пока еще стояли рядом, от черных как от чумных отшатнулись и канули в толпу. Вокруг оплеливело, посреди прогалины стояли только Илья с Верой — и эти.

— Не смей трогать ее! Она не наркоман! Не смей! Слышь ты, гондон! — крикнул оглохший Илья. — Да ты сам обдолбанный! (Глуховский 2017)

В данном фрагменте Илья использует слово «гондон» в отношении полицейского, который задержал его возлюбленную, с целью заступиться за нее. Слово обладает яркой экспрессивностью и отрицательным коннотативным компонентом. Словари фиксируют следующую информацию к статье «Гондон»: Гондон — жарг., угол., презр. Ничтожный, ни на что не годный человек (Елистратов 2000). В воровском жаргоне слово содержит значение «заключенный, ранее состоявший членом секции внутреннего распорядка ИТУ и выбывший из нее». Отметим, что все значения являются отрицательными и употребляются в негативном смысле. В контексте это наименование выступает в качестве инвективы и выполняет одновременно несколько функций: а) в первую очередь слово выступает в качестве средства понижения социального статуса адресата, что осуществляется с помощью некоторых приемов, и б) употребляется как выразитель негативного и пренебрежительного отношения к адресату (классификация по Жельвису).

В этом же контексте обратим внимание на дополнительную характеристику героя, которая осуществляется с помощью оценочного определения «обдолбанный». Но исходя из контекста и учитывая художествен-

ную картину мира автора, характеристику героев, слово используется в косвенном значении «под кайфом».

Приведем аналогичный пример из романа Дмитрия Глуховского, когда слово используется как своего рода инструмент, средство оскорбления персонажа.

Когда вели к машине, Петя тянул заломленные Илюшины руки повыше. И разговаривал сам с собой.

— Вот так тебе, паскуда. Вот так тебе, уебок. Семь лет тебе впадают, щенку. Погреешь нары, ума наберешься. Будешь знать, как связываться. На зоне людям расскажешь, у кого какие права.

— Суд будет! На суде ничего не докажешь! Я чистый! Я никогда наркотиков не употреблял! И не делал никогда! — сам с собой разговаривал Илья (Глуховский 2017).

Обратим внимание на то, что именно автор передает состояние героев в разговоре не только друг с другом, но и они сами с собой. Отметим, что герой использует слова «паскуда», «уебок» и «щенок» в разговоре с собеседником, непосредственно обращаясь к конкретной виртуальной языковой личности. Слово «паскуда» выступает как средство инвективы и содержит следующее лексическое значение: Паскуда — разг.-сниж. 1. Мерзкий человек, пакостник. 2. Употребляется как бранное слово, которым обзывают такого человека (Елистратов 2000). Герой так обращается к собеседнику, выражая прежде всего свое пренебрежение и негативные эмоции в порыве злости. В этом случае инвектива используется в качестве средства понижения социального статуса адресата, а также как дуэльное средство, когда герой оскорбляет собеседника (классификация по Жельвису).

В этом же контексте мы видим в лексиконе персонажа слова «уебок», которое в словарях нецензурной лексики указано как синоним более нейтральных слов-наименований определенного лица «дурак», «придурок». Бранная лексема «уебок» выполняет несколько функций в речи говорящего, а именно:

а) безусловно, она выступает как средство выражения негативного отношения к адресату, так как слово «уебок» содержит отрицательную семантику; б) а также в качестве так называемого дуэльного средства, когда говорящий намеренно оскорбляет собеседника и запугивает. Отметим, что оба наименования, которые используются героем, выполняют функцию нарратива, тем самым привлекая к себе внимание. Помимо этого, мы сталкиваемся с вербальной агрессией (по Жельвису: первая форма агрессии, которая связана с враждебностью героя). В трудах В. И. Жельвиса со ссылкой на мысль Т. Джея «выделяются две формы вербальной агрессии: первая форма агрессии напрямую связана с враждебностью, когда бранная лексика используется с целью нанесения морального ущерба человеку, который чем-то не угодил своему собеседнику; вторая форма — так называемая инструментальная агрессия, то есть своего рода инструмент, средство получения какого-то вознаграждения» (Елизаров 2020, 15).

И наконец, обращение к герою посредством зооморфизма «щенок» позволяет нам предположить, что говорящий выражает таким способом свое пренебрежительное отношение в отношении собеседника. В толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова дана следующая дефиниция: Щенок — перен. Несовершеннолетний, молокосос, мальчишка (прост. бран.) (Ушаков 1935–1940). В представленном значении при обращении к человеку слово употребляется как бранное. Отметим, что в этом контексте слово уже выступает в качестве средства понижения социального статуса адресата, что осуществляется с помощью такого приема, как метафорический перенос на адресата названия животного (классификация по Жельвису). В этом случае речь идет о переносе облика щенка на человека, происходит недопустимое сопоставление. Помимо этого, обращение к герою таким образом имеет и мелиоративную, и пейоративную окрашенность и сопровождается интенсификатором в виде личного местоимения (тебе, щенку). Именно

поэтому слово используется с целью намеренно оскорбить слушающего, выразить свое негативное отношение.

В текстах современной литературы имеется тенденция к употреблению лексических единиц, которые именно в определенном контексте обретают более грубый, уничижительный эмотивный компонент. Этому способствует деривационные отношения, которые позволяют слову обретать новые оттенки значения с помощью словообразовательных морфем. Обратим внимание на следующее высказывание героя:

И был в партнёрах у него такой жидяра ушлый, Гликман, весь такой на скользких понтах: «Кобзона лично знаю...» — Никита презрительно цыкнул. — Он до того приватизировал цех по памятникам из мраморной крошки, ООО «Мемори», и в итоге у комбината тупо осталась мастерская по производству времянок (Елизаров 2020).

Слово «жидяра» (более грубая форма достигается за счет суффикса -яр), производное от существительного «жид», по отношению к какому-либо лицу содержит презрительное значение «жмот, жадина» и относится к аргю. Этот факт подтверждают стилистические пометы, указанные к этому слову в лексикографических изданиях:

1. ЖИД, -а, ЖИДЁНОК, -нка, ЖИДИК, -а, ЖИДОК, -дка, ЖИДОМОР, -а, ЖИДЮК, -а, ЖИДОВИЧ, -а, м., ЖИДИНА, -ы, ЖИДОМОРДИЯ, -и, ЖИДЮГА, -и, ЖИДЮКА, -и, ЖИДЯКА, -и, ЖИДЯРА, -ы, м. и ж., ЖИДИЛО, -а, ЖИДРИЛО, -а, с. Жадина, жмот.

2. ЖИД, жидя, муж. (от того же др.-евр. слова, что иудей, см.) (дорев.).

1. В устах антисемитов — еврей (презр.).

2. перен. В кругах антисемитов — скряга (прост. бран.) (Ушаков 1935–1940). (первонач. не имело презр. или бран. оттенка, но впоследствии стало ходовым шовинистическим обозначением еврея и приобрело черносотенно-погромный характер).

По данным словаря Д. Н. Ушакова, слово «жид» первоначально имело нейтральное значение (так называли иудеев (слово явля-

ется устаревшим) — лиц иудейского вероисповедания) и не имело оттенка недоброежелательности, но впоследствии в современной речи антисемитов это слово обрело отрицательную оценочность, что означало «скрягу», скупого человека (Сорокин 2008). Таким образом, социальное представление о конкретной группе лиц отразилось на слове и его семантике. Словарь русского языка под редакцией Г. Н. Складневской представляет следующую информацию о слове: Жид, -а, м. Разг. Уничиж. Презрительное, бранное название евреев (Ваулина и др. 1988).

Следовательно, употребление данной лексической единицы характеризует также говорящего: герой выражает свое неодобрительное отношение к антисемитам и про-

являет неуважение, что отражается в его языковой картине мира.

Выводы

Таким образом, на основании рассмотренных контекстов из произведений современных писателей можно сделать вывод о том, что авторы органично вводят эмоционально-сниженную лексику в свои тексты. В ходе исследования выяснилось, что в одном и том же контексте стилистически сниженная языковая единица может действительно выполнять одновременно несколько функций (выражение экспрессии; характеристика языковой картины мира героя и художественной картины мира автора, средство оскорбления другого персонажа или похвалы), что весьма характерно для текстов литературы XXI в.

ИСТОЧНИКИ

- Алешковский, П. (2015) *Крепость*. М.: АСТ, 592 с.
 Глуховский, Д. (2017) *Текст*. М.: АСТ, 320 с.
 Елизаров, М. (2020) *Земля*. М.: АСТ, 781 с.
 Сорокин, В. (2008) *Сахарный Кремль*. М.: АСТ, 352 с.

СЛОВАРИ

- Ваулина, Е. Ю, Гайкович, Т. И, Зеленин, А. В. и др. (1988) *Толковый словарь русского языка конца XX века: языковые изменения*. СПб.: Фолио-Пресс, 700 с.
 Елистратов, В. С. (2000) *Словарь русского арго: Материалы 1980–1990-х гг.: Около 9 000 слов, 3 000 идиоматических выражений*. М.: Русские словари, 694 с.
 Ефремова, Т. Ф. (2000) *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. М.: Русский язык. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения 26.07.2023).
 Ушаков, Д. Н. (ред.). (1935–1940) *Толковый словарь русского языка: в 4 т.* М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ. [Электронный ресурс]. URL: <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения 26.07.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балли, Ш. (1961) *Французская стилистика*. М.: Иностранная литература, 394 с.
 Жельвис, В. И. (2001) *Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира*. 2-е изд. М.: Ладомир, 349 с.
 Лукьянова, Н. А. (2015) Экспрессивная лексика разговорного употребления в семантическом аспекте. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*, т. 14, № 9: Филология, с. 183–200.
 Стернин, И. А. (2011) *Проблема сквернословия*. 5-е изд. Воронеж: Истоки, 21 с.

SOURCES

- Aleshkovskij, P. (2015) *Krepost'*. M.: AST, 592 s.
Glukhovskij, D. (2017) *Tekst*. M.: AST, 320 s.
Elizarov, M. (2020) *Zemlya*. M.: AST, 781 s.
Sorokin, V. (2008) *Sakharnyj Kreml'*. M.: AST, 352 s.

DICTIONARIES

- Vaulina, E. Yu, Gajkovich, T. I, Zelenin, A. V. i dr. (1988) *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka kontsa XX veka: yazykovye izmeneniya*. SPb.: Folio-Press, 700 s.
Elistratov, V. S. (2000) *Slovar' russkogo argo: Materialy 1980–1990-kh gg.: Okolo 9 000 slov, 3 000 idiomaticheskikh vyrazhenij*. M.: Russkie slovari, 694 s.
Efremova, T. F. (2000) *Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj*. M.: Russkij yazyk. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.efremova.info/> (data obrashcheniya 26.07.2023).
Ushakov, D. N. (red.). (1935–1940) *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* M.: Sovetskaya entsiklopediya; OGIZ. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (data obrashcheniya 26.07.2023).

REFERENCES

- Balli, Sh. (1961) *Frantsuzskaya stilistika*. M.: Inostrannaya literatura, 394 s.
Zhel'vis, V. I. (2001) *Pole brani: Skvernoslovie kak sotsial'naya problema v yazykakh i kul'turakh mira*. 2-e izd. M.: Ladomir, 349 s.
Luk'yanova, N. A. (2015) Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya v semanticheskom aspekte. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, t. 14, № 9: Filologiya, s. 183–200.
Sternin, I. A. (2011) *Problema skvernosloviya*. 5-e izd. Voronezh: Istoki, 21 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ГАЛУСТЬЯН Лаура Суменовна — *Laura S. Galustyan*

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

ORCID: [0009-0001-8421-5556](https://orcid.org/0009-0001-8421-5556), e-mail: laura.galustyan@mail.ru

Аспирант кафедры русского языка.

Научный руководитель: Сергеева Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка РГПУ им. А. И. Герцена.

Поступила в редакцию: 29 августа 2023.

Прошла рецензирование: 16 октября 2023.

Принята к печати: 4 марта 2024.